

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак

Запад, Россия, Восток в геополитической эссеистике Э. Э. Ухтомского

Статья посвящена аналитическому изложению воззрений Э.Э. Ухтомского (1861—1921) на роль России в предотвращении цивилизационных конфликтов Востока и Запада. В фокусе внимания авторов — опубликованный в 1900 г. труд Э.Э. Ухтомского «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку», в котором рассматриваются типологические особенности культурного пространства России как евразийской державы, исторически призванной стать гарантом мира в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и внести решающий вклад в развитие взаимообогащающего диалога культур Востока и Запада.

Ключевые слова: межкультурный диалог, Запад—Россия—Восток, культурное пространство России как Евразии, Э.Э. Ухтомский.

Э.Э. Ухтомский (1861—1921), дипломат, путешественник, публицист, вошел в историю русской мысли как идейный предшественник евразийства¹, стремившийся выявить уникальные типологические особенности культурного пространства России и обосновать необходимость ее политического сближения со странами Центральной Азии и Дальнего Востока, где в 1890-е гг. развернулась экспансионистская активность западноевропейских держав.

На исходе XIX в. в русской философии и культурологической публицистике бурно дискутировалась тема соприкосновения культурных миров России и Востока. Определенной части российских интеллектуалов чудился грядущий конфликт цивилизаций — призрак панмонголизма, способного уничтожить христианские ценности Европы и духовно-нравственные смыслы отечественной культуры. Вслед за Владимиром Соловьевым и Дмитрием Мережковским многие литераторы и публицисты развивали риторику «желтой угрозы», которая якобы исходит из недр китайской культуры, созданной «желтолицыми позитивистами».

Наряду с тенденцией осмысления Востока в аспекте конфликта цивилизаций заявлял о себе и глубокий позитивный интерес к культуре Востока и его роли в истории. Открытия русских ученых и путешественников, обследовавших Центральноазиатский регион, еще весьма слабо известный в европейской науке того времени, привлекли внимание российской общественности к культурному наследию Восточного Туркестана, где в I тыс. н.э. существовала высокоразвитая буддийская цивилизация². Налаживались контакты русских научных экспедиций

¹ Подробнее см.: Колесников, Стрижак, 2011, с. 156—167.

² См.: Воробьева-Десятовская, 2011, с. 9—24.

с кочевыми этносами этого региона и буддийским духовенством сопредельной Монголии и Тибета³. В правящих кругах Российской империи дискутировались перспективы создания «Великой буддийской конфедерации», причем не исключалась даже мысль о вхождении Монголии и Тибета в состав России. Геополитические фантазии русских военных стратегов стимулировались затяжным противостоянием России и Англии, боровшихся за политическое влияние в Центральноазиатском регионе.

Э. Э. Ухтомский был последовательным сторонником сближения и мирного сотрудничества Российской империи с сопредельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В отличие от многих своих современников, сосредоточенных исключительно на развитии культурных связей с Западом, он скептически оценивал возможность влияния русской культуры на культурный мир Европы. Запад не может, полагал Ухтомский, рассматривать русскую культуру на равных до тех пор, покуда Россия, располагающаяся на стыке культурных миров Европы и Азии, не осознает собственной уникальности. Россия идентифицируется только с западной компонентой своей культуры, которая сформировалась благодаря заимствованиям европейских достижений. Для равноправного диалога с Западом России необходимо понять и принять другую — восточную составляющую отечественной культуры как исторически конституированной целостности.

Ухтомский не идеализировал Восток, в частности, Китай, хотя и считал его ближе России в духовном отношении, чем Запад. В очерке «К вопросу о китайской цивилизации», опубликованном в журнале «Наблюдатель», он упрекал российских «молодых китаистов» в том, что те ставят Китай «чуть не на первенствующую ступень среди цивилизованных государств всего мира», хотя в реальности он еще не вступил на путь прогресса, а происходящие в Китае перемены являются не более чем вариацией прежних культурных и политических стратегий. Трезвая оценка общественных изменений в Китае позволила Ухтомскому стать одним из самых ярких критиков идеи «желтой опасности», обсуждавшейся в лагере консервативных мыслителей.

Вместе с тем Ухтомский отчетливо видел возможные опасные последствия политики Запада в странах Азии. Так, в июле 1900 г. он писал: «Запад может ожидать от Азии многих политических осложнений. Мы стоим накануне великих катастроф. Хищнически действующие западные страны в Китае породили движение, которое грозит разрастись до небывалых размеров, увлекая в водоворот и тех, кто был нейтральным и индифферентным по отношению к Дальнему Востоку. Экспансия англичан в Китае может отозваться и в других странах, типа Японии, Индии, Франции и вообще в Европе, которые также стремятся участвовать в этой неблагоприятной миссии» (Ухтомский, 1900, с. IV).

---

³ Подробнее см.: Воробьева-Десятовская, 2011, с. 61–64.

Целый ряд своих выступлений в печати и эссе, написанных в конце XIX в., Ухтомский объединил в два сборника — «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» (1900 г.) и «Китайские письма» (1901 г.).

По мнению Ухтомского, невозможно обоснованно судить о Китае и об отношении к нему западного мира, если не принимать во внимание всего исторического контекста вторжения Запада на Восток и прежде всего в Индию. Только учитывая все несправедливости «белых» людей относительно родины Будды, их наступления на Индокитай и Юго-Восточную Азию, можно сказать нечто беспристрастное по данному вопросу. Мыслитель подчеркивал, что в отличие от Запада Россия свободна от исторической вины перед Азией. «Наша политическая роль, — писал Ухтомский, — до сей поры была исключительная и во многих отношениях благодатная. В это грозное время мы должны осознать проблемы и шагнуть вперед, в заповеднейшую глубь азиатского материка»; он призывал Россию предотвратить или, по крайней мере, «отсрочить некоторые, в грядущем неминуемые, осложнения, ... держаться исторического пути и ни на одно мгновение не терять из виду своих прямых задач в родной и близкой нам по духу Азии» (там же).

Ошибочно полагать, считал Ухтомский, будто азиатские народы обречены и впредь оставаться на статусе «немых» на арене всемирной истории, поскольку это противоречит наблюдаемым тенденциям мирового историко-культурного развития. Он утверждал, что историческое прошлое России и самой типичной восточной страны — Индии сходны и родственны, и в равной мере несут в себе потенциал обновленного будущего и борьбы за собственные права. В поисках типологических историко-культурных параллелей он сближал древнерусскую культуру с традиционной культурой Индии: «За Алтаем и за Памиром простирается неоглядная, неисследованная, еще не осознанная допетровская Русь с ее непечатой ширью предания и неиссякающей любовью к чудесному, с ее смиренной покорностью и с отпечатком строгого величия и на всем своем духовном облике» (там же, с. 1–2).

Ухтомский усматривал параллели и в ментальности южноазиатских «туземцев» и «русского простонародья». Подтверждение этой фантастической аналогии он почерпнул в трехтомнике епископа Хебера, изданном в 1820-х гг. После того, как Хебер проехал от столицы России до южных её границ, «оставаясь под неизгладимым впечатлением церквей и палат Кремля», отмечал Ухтомский, подобие их ему потом чудилось в Индии: духом старой Москвы повеяло на него в Бенгалии; сопровождали епископа при официальных встречах раджпутские и маратхские «вершники», которые казались ему схожими с кубанскими казаками. Осмысля впечатления Хебера, Ухтомский резюмировал: «... видно, недаром в Индостане принято именовать «казаками» тамошних смелых конных, а то даже и пеших воинов..., которые воспитаны поэзией непрерывного боевого напряжения и удалых наездов» (там же, с. 2).

Россия и Восток, заявлял мыслитель, «поставлены будут историософами в одну органичную цельную группу жизненно стойких народов», тогда как их

одинаково резкое отличие от западных наций с их минувшим и настоящим «мало по малу выяснится всякому беспристрастному наблюдателю» (там же, с. 3). Под «Востоком» он подразумевал совокупность культурных особенностей ислама, индуизма, буддийских направлений, конфуцианства, обуславливающих повседневную жизнь азиатских народов.

Ухтомский отчетливо осознавал трудности выявления сходных черт в исторических судьбах России и Индии, но считал при этом, что именно для русских подобные параллели особенно важны ввиду единого арийского корня русской и индийской культур. Индия, этот обширнейший край на юге Азии, представляет собой, по мнению мыслителя, «смешанную, пеструю амальгаму народностей, верований и культур», которые в своих главнейших основах «строго отмечены отпечатком арийского духа» (там же).

В развитии этой темы он весьма вольно интерпретировал данные сравнительной индоевропеистики: «мощные арийцы Вед и позднейшего арийского эпоса — те же славяне, оседающие по лесам и у рек доисторической России, где уже издревле рассеяно множество инородческих элементов, напоминающих чернокожую своеобразно цивилизованную «чудь», которую кшатрии принялись нещадно истреблять, а брамины и пахари силились обратить, углубляясь в глушь неизведанного полуострова...» (там же, с. 4). На Руси, отмечал он, аналогичным образом князья с дружиною при малейшей нужде охотно искореняли «нечистых» инородцев, в то время как шедший в дебри крестьянин и «пламеневший ревностью миссионер» объективно способствовали сближению русской и инородческой культур. На Индию стал наступать грозный «степной Туран, единовременно двигавший свои варварски хищные орды на удельную Русь». И в Индии и в России вторжение степняков повлияло на развитие государственности и на народный быт. Позднее и в Индии и на Руси началась едва заметная реакция на инокультурное влияние, но «чрезвычайно последовательная и знаменательная по своему творческому напряжению» (там же).

В эпоху, когда Индостан и Московское царство, рассуждал Ухтомский, по видимости сильно поддались «басурманским обычаям», слегка потеряли арийский облик, отчасти «приняли совершенно туранскую окраску (что выразилось, например, в придворной жизни в Белокаменной и Делийского султаната — характере обоих дворов, их отношениях к иноземщине, полуварварской роскоши и до щепетильности доведенном этикете), русская и индийская культуры в равной степени олицетворяли Восток, в котором больше ассиро-вавилонского и скифского, чем славянского или вообще европейского» (там же). Но вдруг и Россия, и Индостан, восхищался мыслитель, приблизительно в одно и то же время вступили в полосу подъема национального самосознания.

Однако в Индии этот подъем был прерван. Восстающая из праха, независимая по духу и верная традициям Индия, писал Ухтомский, подверглась разрушительному наступлению пришельцев с Запада. Все те беды, которые избежала Россия полтора-два столетия назад, шагнув на путь прогресса и решительно и бесповоротно

освободившись из-под непрошенной опеки западноевропейских авантюристов, «обрушились на несчастную родину буддизма». Колонизованную Западом Индию сковал летаргический сон, в то время как сходная с ней по историческому складу Россия бурно развивалась, опираясь на накопленный за 1000 лет опыт взаимодействия с монгольскими, тюркскими и финно-угорскими народами.

Оставляя в стороне вопрос о степени «внутреннего сродства» России и Индии, Ухтомский отмечал некоторые сходные черты социокультурного уклада индусов и русских-старообрядцев, объясняя это влиянием Азии на Русь: «...мы непомерно много должны были бессознательно впитать в себя из Индии в тяжелую эпоху колонизации своих заволжских окраин, когда русские полоненники ежегодно тысячами увлекались на басурманскую чужбину, продавались на базарах Хивы и Самарканда пышным вельможам Моголов, подолгу влачили рабское существование между язычниками... Некоторые из них иногда возвращались на родину с претворенными взглядами на духовный мир, с иноземными предрассудками первобытно-жизненного свойства, со складом религиозных умозрений, способным нравиться нашему патриархально мыслящему простонародью» (там же, с. 8).

Внимание Ухтомского привлекали популярные среди его современников-литераторов сравнения Санкт-Петербурга с Калькуттой. Даже исторические судьбы обоих городов казались ему сходными: оба они возникли приблизительно в одно и то же время, причем в разгар борьбы великих народов за преобладание в мире, оба строились на заболоченной местности, возле устья судоходных рек, в одинаковые периоды развивались, становясь очагами новой национальной культуры, крепили под влиянием Запада, а затем вставали на защиту своих исконных прав.

В этнокультурном отношении необыкновенно пестрая и смешанная с инородческими элементами Русь, славянская по языку и религии, отмечал Ухтомский, пробуждается под влиянием «западного общечеловеческого просвещения» и вскоре проснется в качестве обновленного «восточного» мира, с которым не только у ближайших, но и географически отдаленных азиатских народов «есть и будет неизмеримо больше общих интересов и симпатий, чем с Западом». Ему казалось очевидным, что по мере соприкосновения агрессивно настроенного Запада с Азией «бездна между ними увеличивается» (там же, с. 10).

Край Будды и Акбара, подчеркивал Ухтомский, производит на каждого европейского путешественника неотразимое впечатление погружения в историческое прошлое. Посетив со свитой цесаревича Египет, Индию, Китай, Японию, некоторые страны Юго-Восточной Азии, он пришел к выводу, что эти государства продвигаются через такую же фазу развития, какую переживали в XVII в. «порубежные сторожевые города на юге и за Уралом, олицетворяющие собой продолжение славных дней Ивана IV», когда они «духовно подчиняли себе многие инородческие элементы». В ту пору, утверждал мыслитель, государственные интересы на тюркско-монгольских границах России защищал любой казак,

солдат, мужик-старожил или переселенец. Тверской купец Афанасий Никитин ходил на Восток «за три моря». Но несмотря на расстояние, русские всегда считали Азию чем-то, хотя и «басурманским», а все же родным и своим. Купцы из Бухары и Шармахани (Самарканда), отмечал он, еще в средние века торговали на русских землях беспрепятственно.

Научные изыскания специалистов в области санскритологии и сравнительного языкознания, направленные на выявление общности индоарийских народов, не удовлетворяли Ухтомского. Если тонкими «филологическими умствованиями», возражал он, пытаются установить братство англо-саксов с арийскими этническими элементами Индии, это — сентиментальная фикция. Но узы, исторически и этнокультурно скреплявшие русский народ с Ирано-Тураном на просторах Евразии от Каспия до Ганга, представлялись ему реальным залогом общего будущего России и Востока. Только «закоренелые западники», по его мнению, могут усомниться в том, что еще не осознанный русскими Восток станет «такой же органической по духу принадлежностью Мономаховой державы, какую по самой природе вещей в урочный час стали Заволжье и Сибирь» (там же, с. 21—23).

На основе русского этнического субстрата и благодаря непосредственности православных идеалов, утверждал он, сложилась «крепкая по однородности состава, хотя и разноязычно-пестрая империя, творчески влияющая на каждый тяготеющий к ней уголок азиатского материка... Европейцы исследуют и знают относительно хорошо Азию, создали специально для нее колоссальную литературу. России же, которая есть ключ к пониманию Востока и составляет главную его часть, они до сих пор не постигли, до сих пор селятся ее истолковать и определить» (там же, с. 31).

Свою, достаточно критическую точку зрения имел Ухтомский и на идеи панславизма, утвердившиеся в странах Восточной Европы. Ежегодно из этих стран на поклонение в Мекку и Медину, отмечал он, едут огромные массы паломников-мусульман. Из них немалое число оседает на арабском Востоке, образуя целые колонии, сплоченные идеей объединения под знаменем ислама. Этому опасному процессу в значительной степени способствует грубое внедрение панславизма в христианских странах Восточной Европы, вызывающее недовольство мусульман, дискриминируемых в этих государствах. Там, где у власти христиане-панслависты, подданные-мусульмане стремятся ориентироваться на идею мировой воинственной исламской консолидации (там же, с. 39—48).

Э. Э. Ухтомский прозорливо указывал на необходимость изучения традиционных религиозных идеологий азиатских народов. Он полагал, что именно Россия должна инициировать гуманистичный и веротерпимый диалог с исламскими и буддийскими этносами. «Если уж любить и признавать родной нам соседний материк за что-то близкое духом и органически с нами единое, — писал он в этой связи, — то необходимо искать душевный ответ на самые жгучие для человека вопросы: зачем мы собственно живем и как избежать страдания?» (там же, с. 42—43).

Ухтомский полагал, что русские в силу особенностей своего национального характера всегда жаждали предпринять «хождения за три моря», и призывал своих образованных и деятельных современников глубже всмотреться в Азию, считать изучение истории и культуры Востока делом первостепенной важности и геополитической необходимости. «Мы, русские, будучи по престижу первые в Азии, — констатировал он, — добровольно пока уступаем кому придется свою историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока» (там же, с. 43). От подобного положения вещей, сетовал Ухтомский, выигрывают западноевропейские государства, насильственно навязавшие азиатским народам свое колониальное владычество и стремящиеся расширить зону собственного влияния.

Ухтомский видел грядущую культурно-историческую миссию России на Востоке, в частности, в том, чтобы поддержать Китай — накапливающий силы против заморского врага и ожидающий от России нравственной опоры, бескорыстной помощи, фактического союза на почве взаимных интересов. Он надеялся, что со временем Восточная Сибирь и российский Дальний Восток пройдут инновационный путь социально-экономического и социокультурного развития и превратятся в «очаг света» для Китая, в эталон его грядущей счастливой будущности.

Западные колонизаторы, предсказывал мыслитель, неизбежно столкнутся с Востоком, который рано или поздно проснется, разбуженный попирающей его белой расой. Согласно Ухтомскому, в этом предстоящем конфликте Россия, окрепшая и геополитически активная, будет играть роль справедливого арбитра.

Ухтомский во многом идеализировал роль Царской России на Востоке. Начавшееся в годы правления Александра II продвижение границ Российской империи в Среднюю Азию представлялось ему не военно-политической экспансией, а «естественным слиянием» евразийской по своему духу державы с Туркестаном. Этому процессу, якобы свободному от стремлений к эксплуатации азиатских народов, он противопоставлял захватнический натиск Запада на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Западные колонизаторы, констатировал он, «обидели и развенчали Восток. Куда они приходят для житья и наживы, — это им не родина, какой, например, русскому быстро делается любая окраина».

Размышляя о перспективах геополитической активности России в Восточном (Китайском) Туркестане, Ухтомский апеллировал к распространенным в Центральной Азии мифическим истолкованиям исторических событий, в частности, к наблюдавшемуся в среде буддийских народов отождествлению российского государя с образом благого Белого Царя (там же, с. 46). Вера в помощь Белого Царя, утверждал Ухтомский, коренится в истории превращения древней Руси в евразийскую державу, культура которой впитала в себя восточные компоненты и одновременно щедро делилась с присоединенными этносами собственными достижениями. Во времена тяжелейших исторических испытаний — при влады-

честве Чингизидов, огнем и мечом подчинивших себе Индию и Тибет, Индокитай и Поднебесную, Самарканд, Афганистан и Персию, «великие печальники и молитвенники за землю русскую» духовно завоевали для России симпатии азиатских народов. «Мы сильны там, на бесконечных рубежах своих, — подчеркивал он, — не только былою казацкой удалью, а исключительно доброй вестью, облетевшей и облетающей азиатский материк, о праведной жизни и делах представителей давно угасшего поколения, любящего свое отечество» (там же, с. 46).

Мыслитель указывал на бесосновательность опасений англичан, будто бы русские строят планы завоевать Гиндукуш и отобрать часть колониальных владений Британской Короны в Южной Азии, поскольку Россию интересует не захват далекой Индии с ее конгломератом племен и верований, а мирное сближение с соседним Китаем. В данной связи он подчеркивал, что великий по труду и терпению китайский народ, «создавший государственно мудрого Конфуция», «доведший до высшей степени высоты и простоты культ монарха и культ бессмертия достойных перед отечеством предков, — наш лучший по уживчивости и удобнейший по консервативным качествам сосед» (там же, с. 46–47).

Одновременно мыслитель учитывал и то обстоятельство, что угроза превращения Китая в полуколониальное государство, где будут господствовать холодный экономический расчет и политическая воля Запада, — опаснейшая для России перспектива, чреватая военными столкновениями на дальневосточных границах империи. «Наша главная задача на «желтом» Востоке, — заявлял он, — преимущественно должна заключаться в ограждении себя от подобных случайностей, дабы не лить потом напрасно драгоценной русской крови и не тратить огромных денег в борьбе с надвинувшимися напастями, которые всегда нужно предвидеть и предотвращать» (там же, с. 47).

Э. Э. Ухтомский призывал отечественных интеллектуалов вдумчиво анализировать евразийский статус России, исторически оказавшейся на перекрестке культур. Запад преподавал России урок умственной дисциплины и целесообразной деятельности, рассуждал он, и Российская империя усвоила этот урок, вступив в сообщество великих держав. Но вестернизация не затронула глубин народного быта и умозрения, проникнутого свойственной Востоку созерцательностью. В историческом прошлом азиатские народы свой урок России стремились преподавать и они неоднократно осуществляли военный натиск на Русь, пытаясь превратить культурный ландшафт русских земель в нечто однородное с Персией и Туркестаном, с Индией и Китаем. И тем не менее русская культура упорно продвигалась за Каспий, Алтай и Байкал.

По мнению Ухтомского, в социокультурном отношении оттенки перехода от русских земель к азиатским, особенно в направлении Китая, неуловимы. И в центральных областях, и среди Войска Донского, и за Уралом есть казаки-буддисты, «одноплеменные давним кочевым данникам Пекина». На реке Маньчже можно встретить местных буддийских лам в одинаковом облачении с принятым

у тибетского духовенства. Буддийские монахи свободно путешествуют от Урги до Санкт-Петербурга. И даже природный ландшафт восточных окраин России соответствует тому, в котором складывались характеры воинственного «забайкальца» Чингисхана, буддийских «аскетов монгольской крови, но с чисто индийским мировоззрением», казаков-первопроходцев, олицетворяющих собой «русско-иностранческую удаль и мощь» (там же, с. 49).

Что касается Китая, утверждал Ухтомский, то связующее звено между русскими и китайцами — монголы, которые убежденно и бесповоротно усвоили взгляд на Россию и ее государя как на земное воплощение Цаган-Дара-эхэ — Белого Царя. Тибетцы через посредство бурят постепенно переняли этот взгляд. Прочие азиатские этносы — инертная до поры до времени масса, дорожающая прежде всего своим спокойствием, своими скрываемыми от иноземного расхищения богатствами, своей землей, в которой покоится прах отцов и дедов.

Мыслитель задавался вопросом — не внесет ли экспансия западной культуры жестокий разлад в душу китайского народа, благополучно обходившегося в течение тысячелетий без благ европейского прогресса? Да и зачем китайцу — «сыну Неба» так называемый «западный», в корне анархический прогресс, — риторически вопрошал Ухтомский, — когда перед его духовным оком вечно встают величественно-мудрые образы патриархальных правителей Поднебесной — самодержцев, попекавшихся о благоденствии вверенного им народа?

Благодаря выгодному географическому положению, рассуждал он, Китай легко обрел первенство в пределах омываемой Тихим океаном Азии. Народ-гигант всегда мог реализовать в отношении сопредельных стран одну из двух своих излюбленных стратегий — либо территориально поглотить беспомощных соседей, либо путем культурной экспансии подчинить их себе. Но ныне при вторжении крайне опасных врагов — европейцев, «дряблкое состояние воли и чувств у самодовольного китайского правительства» помешало ему узреть тот социально-политический застой, в который погрузилась Поднебесная на пороге XIX в., продолжая по инерции мыслить себя центром мира.

Этот очевидный застой китайской цивилизации породил в Европе двойственную оценку исторического опыта Китая. Так, отмечал мыслитель, немецкие философы, в особенности Гегель, вообще презирали Поднебесную, считая ее образчиком неподвижности. В лице Китая, по их мнению, монгольская раса достигла предела возможного для нее уровня развития и дальше шагнуть уже не способна. Гердер, вглядываясь в состояние зафиксированной на себе китайской культуры, метафорически называл Поднебесную бальзамированной мумией, изукрашенной письменами и укутанной в шелк. Это мнение, по мысли Ухтомского, базировалось на том факте, что китайцы, подобно эллинам, все инокультурное считали варварским, а достижения своей цивилизации принимали за эталон для остального мира.

Иную оценку дал историческому опыту Китая итальянский писатель Дж. Феррари, отмечал Ухтомский. В своей работе «La Chine et l'Europe» (1867)

он постарался доказать, что эволюция китайской цивилизации шла параллельно с западной, испытывая сходные духовные катаклизмы. Ухтомский приводит указанные Феррари параллели: философия появилась в Китае приблизительно во времена Пифагора; великие воители — во времена Александра Македонского; варвары нападали на Поднебесную в тот же период, что и на Рим; китайская ученость процветала тогда же, когда в Европе создавал свои трактаты Фома Аквинский; театральное искусство тогда же достигло в Китае известной степени совершенства, когда в Италии создавалась Божественная комедия; лучшие поэты Поднебесной, ее век возрождения и изучения собственной древности близки по времени эпохе Петрарки и Боккаччо. В продолжение первых двух третей своей истории Китай, возможно, целым поколением опережал Европу. В средневековый период и там и тут наиболее значимые для культурно-исторического развития даты совпадают с точностью, граничащей с чудом. Лишь с 1400 г. китайская цивилизация начала отставать от европейской, но не более чем на 30 лет.

Опираясь на результаты исследования Дж. Феррари, Ухтомский приходит к выводу, что в недрах человечества осуществляется однородная по напряжению «психическая работа». Он констатирует: «Китайцы жили и живут весьма нормально, руководствуясь твердыми, стародавними принципами, которые одухотворяют весь их государственный организм» (там же, с. 56). Соприкоснувшись с Западом, они, не умаляя и не превознося достоинств чужой культуры, постепенно начали усваивать ее достижения. Со временем, предсказывал Ухтомский, все почерпнутое у Америки, Англии, Швеции и Германии утратит для Китая статус полезных инноваций. Китайцы благодаря пройденному пути превратятся на фоне прочих народов в просвещеннейшую нацию, чему способствует конфуцианский принцип глубокого уважения к науке.

Ухтомский отмечал, что в культуре Китая знание всегда ценилось как высшее достоинство — великому Конфуцию за его интеллектуальные подвиги воздвигались храмы, учеными степенями и дипломами земляков гордятся целые округа. Уважение к литературе и письменности необыкновенно развито у китайцев. А поэтому следует ожидать, что высокомерие европейцев, опрометчиво отрицающих чужую духовную мощь, будет жестоко отомщено: Китай, громадная и потенциально могущественная страна, достигнет в обозримом историческом времени мирового первенства.

Довольно обстоятельно Ухтомский рассматривает в связи с китайской культурой вопросы религиозного мировоззрения. Известная веротерпимость китайского народа, которую поверхностные наблюдатели склонны считать равнодушным отношением к религии, подчеркивает он, не соответствует действительности (там же, с. 59). Главную роль в жизни каждого отдельного индивида, как и китайского общества в целом, испокон веков играло почитание усопших родителей и предков. Никакая философская разрушительная теория не в силах была поколебать культ предков. В загробном мире человек, по мнению китайцев, продолжает жить по-прежнему, обычными радостями и горестями, нуждаясь в любви и заботе ближ-

них. Почитание умерших — неотъемлемый компонент китайской повседневности. Глава семьи в домашней кумирне возжигает благовония, приносит, когда следует, жертвы, сообщает незримым хранителям своего очага обо всех мелочах, касающихся семейного благополучия. Для полноты связи с невидимым миром китайцы прибегают к гаданиям, медиумизму и прочим религиозным практикам. Воля предков руководит действиями благоговеющего потомства. Молодое поколение вырастает с мыслью о жизненной необходимости уважать старших, а родители требуют не теоретического знания принципов нравственности, но постоянного их практического применения, при этом обходясь без наказаний и внушая трудолюбие (там же, с. 60—61).

Восток, как полагал Ухтомский, проникнут поражающими и смущающими западный ум предчувствиями, своеобразным историческим провиденциализмом. В качестве иллюстрации он приводит рассказ поэта А.Н. Майкова о беседе, которую тот вел с европейски образованным киргизским аристократом Валихановым о восточной философии истории. Валиханов, по словам Майкова, высказался по этому поводу следующим образом: «Всемогущий Бог даровал мировое владычество моему предку Чингисхану; за грехи оно отнято у его потомства и передано Белому Царю. Вот вам моя философия истории!» Ухтомский замечает в данной связи, что китайский иероглиф *хуан-ди* («верховный государь»), имеет значения «Белый князь, Цаган-хан, Белый царь». Однако, сетует он, даже синологи с широким кругозором, вроде С.М. Георгиевского, не обращали на это внимания, в силу чего и не могли разъяснить своей немногочисленной аудитории, почему России необходимо разносторонне изучать Китай.

«Запад неосторожно потеснил Небесную империю, — писал Ухтомский в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» в ноябре 1897 г. — Новые аргументы идут за золотым руном в пределы беззащитнейшей на свете империи тревожить миролюбивого колосса — Китай». Если, с точки зрения европейского интереса и взаимоотношений мировых держав, на обширных побережьях Тихого океана всегда найдется много места для культурной борьбы, то необходимо выяснить прямые задачи России на китайском Востоке, осознать опасности и проблемы, ожидающие русских в связи с экспансией Запада в этот регион. Оккупация Ляодуна Германией и непомерные условия, выдвинутые после убийства в Китае двух германских католических миссионеров, не возымели действия, констатировал Ухтомский. В этом он усматривал красноречивое продолжение того вековечного спора, который ведет «относительно смиренный», лишь в крайности проявляющий свою несокрушимую мощь славяно-туранский мир с «заносчивым при малейших успехах германизмом».

Ухтомский рассматривал оккупацию Ляодуна как незамедлительный ответ «германизма» на попытку открытого сближения Китая с Россией, ибо Китай искал именно в ней нравственную поддержку и материальную опору. Мыслитель был убежден, что Китай имеет право полагаться на Россию, так как Восток всегда обновлялся и богател от общения с русскими, образующими с народами Азии

одно гармоничное в своих духовных основах целое. Ухтомский предупреждал, что пожар, неосмотрительно разжигаемый Западом на Дальнем Востоке, займется страшным заревом над всем обширным побережьем Тихого океана.

Экспансионизм Запада, подчеркивал мыслитель, является покушением на суверенитет Поднебесной. Участие Австро-Венгрии и Италии в умирении восстания в Сычуани служит подтверждением этого. Но грядущее развитие подобных опасных инициатив чревато непредсказуемыми конфликтами.

Русские привыкли относиться к Китаю и Японии как к чему-то тесно связанному с Россией и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа, полагал Ухтомский. Чувства эти, отмечал он, есть проявление «инстинктивного тяготения» к прочному и обоюдно полезному сотрудничеству. В Китае при народных возмущениях вплоть до 1890-х гг. щадили находившихся там русских, сознательно отличая их от «заморских чертей» (там же, с. 75).

Однако он видел и иную тенденцию: «иностранцы, свивая себе в Японии ненадежное гнездо, давно уже сеют там подозрение и нелюбовь к России. Воспитанные на заграничный лад и в чуждых по культуре европейских университетах туземные радикалы проникаются предубеждениями западного человека против «северного колосса» и склонны поверхностно судить о нас в печати и литературе» (там же).

При непосредственном соприкосновении с Западом, полагал Ухтомский, Азия страдает, ибо в культурно-историческом аспекте между нею и Европой — глубочайшая бездна. Но между Россией и Азией нет подобных препонов. Но, к сожалению, параллельно с ростом и усилением роли России в мировой политике все отчетливее проявляются индифферентизм и некультурность ее погруженного в миражи интеллигентного слоя, теряющего политическое чутье в восточных делах (там же, с. 77).

Мыслитель напоминал, что 200 лет назад возникла Пекинская православная миссия, призванная духовно поддержать плененных маньчжурами албазинских казаков. Был построен храм Николая Чудотворца. Русский «монашеский» обоз приходил из Забайкалья «как к себе домой» в столицу Китая. Хотя со временем русская колония ассимилировалась и растворилась в местном населении, но из состава миссии выдвинулись известные ученые-китаисты — Иакинф Бичурин, проф. Васильев, архимандрит Палладий. Ухтомский подчеркивал прочность установленных прежде культурных связей: Миссия снаряжалась и пускалась в путь на верблюдах через Монголию на Ургу и Калган, и ее сопровождали в качестве опытных проводников буддийские ламы-буряты. Добродушные миряне-ламаиты охотно сближались с пришлым «белым» элементом, нередко роднились с русскими, не чурались посещать православные богослужения.

Ухтомский сожалел: «...философско-художественная история нашего движения в Азию до сих пор не написана. Русский народ столь медленно приходит к самосознанию, что почти никому еще не ясна картина нашего коренного единства и последовательного слияния с Востоком... не пора ли дать себе отчет — почему

это неизбежно случилось и отчего наше поступательное движение в Азии далеко нельзя считать завершенным?» (там же, с. 79).

Он критически сравнивал процессы колонизации, осуществлявшиеся европейцами и русскими. Для конкистадоров, Кортеса и Писарро, отмечал мыслитель, всякий мексиканец и перуанец с его неведомым историческим прошлым и непонятными религиозными ритуалами казался исчадьем ада, подлежащим уничтожению. В отличие от этих жестоких завоевателей любому вологжанину или вятичу, участвовавшему в освоении новых земель, местное население представлялось «младшей братией», обидеть которую они не позволяли себе, руководствуясь чувством совести и соображениями собственной выгоды. Опираясь на добровольную помощь зырян, чувашей, черемисов, башкир, мордвы, татар, русские крестьяне и казаки постепенно прокладывали торный путь в необъятную Сибирь.

Такую особенность русской колонизации Ухтомский объяснял историческими обстоятельствами. Лесные и речные пути сквозь Пермский край манили не только инициативных первопроходцев, но и вынужденных переселенцев. В период монголо-татарского ига русские уходили в северные дебри, куда за изгнанником-пахарем и трудолюбивым иноком не дерзал проникнуть ордынский вершник. Такая миграция продолжалась и в годы опричнины.

Восточная Сибирь и Дальний Восток привлекали русских «мирами неизведанной шири вдоль Енисея и Лены, за Байкалом и по Амуру... Горсть смельчаков в самый непродолжительный срок перекинулись по ним до океана. И совершилось это только потому, что они там не чувствовали себя на чужбине, видели в Сибири что-то совсем родное. Грандиозность масштабов не смущала бесхитростного воображения Ермаков, Хабаровых, Поярковых и других по-своему великих людей, забытых потомством, которые сочли бы явным грехом и непростительной изменой не вспомнить при удаче о Москве, не сознать органической связи с ней», — писал Ухтомский (там же, с. 80—81).

Идеализируя историю русской колонизации, Ухтомский утверждал, что малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока, как и более крупные этносы — якуты и буряты, не претерпели каких-либо утрат в ходе «мирного» натиска России, так как быстро вошли в контакт с первопроходцами, а затем и с переселенцами, а по существеннейшим жизненным вопросам всегда достигалось между ними обоюдоприемлемое согласие.

Мыслитель был уверен, что образец конституционного Запада не может в политическом смысле привлечь азиатские народы, поскольку в культуре Востока исторически утвердилась религиозная, а не светская, юридическая, легитимация верховной власти. В верховном правителе индусы видят воплощение Шивы или Кришны-Вишну, китайцы — избранника Неба, японцы — потомка Богини Солнца, монголы и тибетцы — «творческий луч Будды». Как убежденный монархист Ухтомский верил, что азиаты, уяснив религиозные основы российского самодержавия, охотно войдут в духовное и политическое содружество с великим северным соседом.

Для Российской державы, заявлял мыслитель, есть лишь один соответствующий ее культурно-историческому статусу путь — стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком. В противном случае она бесславно и незаметно сойдет с политической сцены. Западная Европа подавит одинокую Россию мощью своей холодной целерациональной цивилизации. А пробудившиеся азиатские народы, не получив от русских ожидаемой поддержки, окажутся со временем даже более опасными конкурентами России, нежели Запад. «Если на пороге усложняющегося будущего, — писал он, — мы действительно жаждем нравственного исцеления, могучего знания и небывалого подвига «за Русь и Царя», нам следует наперед подумать о том, какими заветами полно наше прошлое. ...Преобладающее значение в нем всегда выпадало на долю Азии. Она нас крушила, она же нас и обновляла» (там же, с. 86). Исключительно благодаря натиску Востока, утверждал Ухтомский, русское мировоззрение выработало образ Православного Самодержца, поставленного Провидением среди иноверных, но сочувствующих ему азиатских народов.

Завершая наше путешествие по страницам геополитической эссеистики Э. Э. Ухтомского, необходимо сказать, что мыслитель, несмотря на свойственные ему монархические иллюзии и некоторые передержки в оперировании историческими сведениями, сумел выявить уникальную типологическую специфику формирования русского культурного пространства. В разработанной им парадигме понимания учтены важнейшие факторы, конституирующие российское культурное пространство как евразийскую цивилизационную целостность, — географическое положение, полиэтнический субстрат, разнообразие исторических религий, культурно-историческая динамика продвижения русского этноса на Восток, стратегия ненасильственной аккультурации местных этносов. Ухтомский показал, что включение буддийских народов в российское культурное пространство усилило его евразийскую специфику, обеспечив предпосылки развития диалога с культурами Центральной Азии и Дальнего Востока.

Литература

Воробьева-Десятковская М.И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. — СПб.: 2011.

Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Персоналии диалога культур России и Востока: Э.Э. Ухтомский // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Составители *М.И. Воробьева-Десятковская, Е.П. Островская.* — СПб.: 2011.

Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. — СПб.: 1900.

Summary**A.S. Kolesnikov, Y.N. Strizhak****East, West and Russia in Geopolitical Essays of E.E. Ukhtomsky**

Views of E.E. Ukhtomsky (1861–1921) on the role of Russia in preventing of conflicts between Eastern and Western civilizations are the main topic of the article. Attention of the authors is focused on Ukhtomsky's work "On the events in China. Relation of the West to the East and Russia", published in 1900, the subject of which is typological features of Russia as a Eurasian power, having to guarantee peace in Asia and Pacific region and to make a decisive contribution to the development of dialogue between Eastern and Western cultures as its mission.

Key words: intercultural dialogue, East–West–Russia, Eurasian cultural space of Russia, E.E. Ukhtomsky.